Кураме хватает приличия выглядеть смущенным. "Простите", - повторяет он. "Я хотел сделать печать с малым воздействием, но забыл, каково это, если ты не испытывал этого раньше". Он протягивает руку и накладывает печать, затем закрывает глаза. Мгновение спустя Генма чувствует, как она разбивается, словно стекло, и чакра исчезает, а чувства возвращаются в нормальное состояние. Курама откидывается назад и садится на пятки, выражая раскаяние. "Прости", - говорит он в третий раз.

Вздохнув, Генма устраивается на траве, скрещивая ноги, пока последние крупицы дискомфорта сходят на нет. "Не беспокойся об этом, - легкомысленно отвечает он. "Я так понимаю, в этом и был смысл спарринга?"

Курама кивает. "Да. Я учусь передавать печати во время боя, как это делал Йондайме с печатью Бога Летящего Грома. Но когда я сосредоточен на сражении, мне требуется время, чтобы накопить нужное количество чакры и визуализировать передачу. Надеюсь, с достаточной практикой я смогу значительно сократить время".

"Используй другую печать, и я с радостью помогу", - с язвительным весельем предлагает Генма. "Что это было?"

Рыжий одаривает его овечьей улыбкой. "А. Это была печать для усиления сенсорного восприятия, которую я разработал сам, для боя в полной темноте. Она усиливает все в три раза, так что это полезно, когда ты не в силах справиться, но к ее использованию нужно привыкнуть".

"Я скажу. Если мои мозги вытекут из ушей, то именно ты будешь подменять меня в отделе миссий. И объяснять, что случилось с Райду".

Курама смеется, чего Генма и добивался. "Хорошо", - легко соглашается он, поднимается на ноги и протягивает Генме руку. Он улыбается и добавляет: "Давненько я так не спарринговал. Это было замечательно, спасибо".

Генма позволяет младшему поднять себя на ноги, затем делает шаг назад и потягивается. Мышцы приятно болят и хорошо проработаны, но не похоже, что он перетрудился. "С удовольствием", - отвечает он, а затем криво ухмыляется. "Тебе стоит как-нибудь потренироваться со мной и Гаем. Мы каждое утро бываем на тренировочной площадке номер тринадцать, пока у нас нет задания. Гай будет в восторге от твоего стиля, ведь он отличается от всех здешних".

"Это один из Узушио", - объясняет Курама с грустной улыбкой и слегка пожимает плечами. "На нем еще сохранилось несколько свитков; попробую откопать один для него".

"Ему бы это понравилось, он же помешан на тайдзюцу", - с нежностью говорит Генма, потому что, хотя попадание в команду с Гаем и Эбису было в некотором смысле худшим кошмаром для уже вполне адаптировавшегося к жизни ребенка, все закончилось довольно хорошо. Они с Гаем вместе стали чуунинами, даже попали в один отряд, а Генма за столько лет стал

совершенно невосприимчив к странностям этого человека. В данный момент Коноха просто не была бы Конохой без своего Прекрасного Зеленого Зверя.

Курама улыбается ему, с легкостью читая выражение лица и скрытые за ним чувства. "Спасибо, Генма-сан, - пробормотал он, и черты его лица стали мягкими, странно красивыми даже на фоне широких шрамов. Впрочем, Генма всегда считал Райду одним из самых красивых шиноби в Конохе, так что, возможно, его вкус несколько искажен. "Я благодарен тебе за то, что ты меня подшутил".

"Нет", - легко отвечает Генма, обнимая его за плечи и разворачивая их в сторону деревни. Его желудок говорит ему, что уже давно пора обедать, а Генма никогда не отказывал себе в этом. "Я всегда готов к спарингу, и я более чем счастлив помочь тебе с тренировками. Просто дай мне знать в следующий раз, хорошо?"

"Конечно", - соглашается Курама, позволяя направить себя в нужное русло. "Наша смена в Столе начинается через полтора часа, верно? Давай пообедаем, я угощаю".

"Рамен тебя устроит?"

"Конечно".

Генма смеется, и Курама смеется вместе с ним, и даже если люди смотрят на них странно, пыльных, потных и хихикающих посреди улицы, это не страшно. Он перестал заботиться о таких вещах много лет назад, и, судя по выражению легкой радости на лице Курамы, ему тоже на это наплевать.

Смертоносным шиноби, все еще находящимся под кайфом от физических нагрузок, разрешается хихикать, если они этого хотят. И если это не является правилом, то должно быть, потому что сейчас весь мир выглядит до смешного ярким.

Сасукэ смотрит, как рыжеволосый кузен Наруто танцует, выполняя ката, и катана, извиваясь, вспыхивает, как прямая серебряная молния. Его ноги непоколебимо тверды, тело полностью контролируется, а глаза закрыты. Сасукэ не настолько самонадеян, чтобы думать, что его не заметили, но его игнорируют.

Это... не совсем обычно, и Сасукэ разрывается между благодарностью за то, что этот человек не такой покладистый и сочувствующий дурак, как все остальные жители деревни, и всплеском нетерпеливого раздражения. Три дня он снова и снова прокручивал в голове слова этого человека, пытаясь уловить смысл, разглядеть под ними подоплеку, хотя последние пять лет старался никогда не задумываться о поступке брата в ту ночь.

Но теперь, теперь он не может не думать о них, не может делать ничего другого, и все из-за этого рыжеволосого мужчины с его коварными словами.

Или вы действительно думаете, что тот самый брат, который катал вас на свиньях, когда вы слишком уставали, чтобы идти, вдруг сорвался и убил всех без причины?

То, что случилось той ночью, никак не может быть чем-то иным. Какая еще причина может быть у слов Итачи? По какой другой причине он бросил Сасукэ в то мучительное видение? Чтобы сказать ему, что он слишком слаб? Но…

Но в то же время Сасукэ не мог не задаваться вопросом, не мог не зацикливаться на мысли, что за этим могло стоять что-то еще. Итачи любил деревню, любил ее даже больше, чем свою семью, так зачем же делать то, из-за чего его объявили пропавшим без вести? Зачем уходить?

Сасукэ не уверен, что у двоюродного брата Наруто найдутся ответы, он сильно сомневается в этом, но должен хотя бы спросить, ведь вдруг найдется?

Катана с шипением скользит по шелку, и Сасукэ поднимает взгляд и видит, как к нему идет человек, бесшумно и грациозно. Он сбросил рубашку и жилет джоунина, и Сасукэ видит, что татуировки-печати на его руках переходят на плечи и вниз по позвоночнику, темные и суровые на фоне загорелой до золотистого цвета кожи. Когда он смотрит на Сасукэ, выражение его лица открытое, теплое, но не ожидающее, доброе, но не навязчивое,

http://tl.rulate.ru/book/100817/3458547